

(европейский *Nabucco* и российский Прикаспийский газопровод). Строительство нефтепровода Казахстан — Китай ознаменовало прекращение монополии России на транзит энергоресурсов из региона. По причине возникновения альтернативной сети транзита нефти Россия неизбежно понесет экономический ущерб от сокращения объемов транспортируемых с Каспия природного газа и нефти, а также потеряет часть политического влияния в регионе. Препятствовать этому процессу Россия уже не в состоянии, т. к. энергетические интересы Китая отвечают запросам центрально-азиатских республик, заинтересованных в новых рынках сбыта.

Текущая динамика процессов диверсификации экспорта центрально-азиатской нефти и газа свидетельствует об усилении «восточного вектора» во внешнеторговом курсе ведущих поставщиков углеводородов региона Центральной Азии, что значительно снижает возможности осуществления западных проектов и одновременно укрепляет позиции конкурирующих проектов, направленных на долгосрочную привязку центрально-азиатского газа к азиатскому (китайскому) рынку.

Таким образом, Центрально-Азиатский регион превратился в один из объектов геоэкономического и геополитического противоборства, что объясняется следующим фактом: нефтяные и газовые месторождения этого района способны в какой-то степени ослабить зависимость от других поставщиков и удовлетворить быстро растущие потребности Китая.

А. Е. Потехина

Уральский федеральный университет

КНР и распространение конфуцианства в международном пространстве на рубеже XX–XXI вв.

Включенность КНР в глобальные процессы, происходящие в мировом сообществе, является неоспоримым фактом. Проследить это можно не только по экономическим реалиям Китая (вступление республики в ВТО в декабре 2001 г., проведение Шанхайской ЭКСПО в 2010 г.), но и на культурном, а точнее, культурно-политическом уровне. Реализация различных программ по распространению китайского языка и основ

традиционной культуры Китая, в том числе конфуцианства, за рубежом непосредственно связана с деятельностью китайского правительства. Вполне возможно, что в данном вопросе оно преследует свои, сугубо политические цели.

Первым шагом китайского правительства в расширении влияния конфуцианства в глобальном пространстве стало проведение в 1989 г. международного научного конгресса в Пекине, посвященного 2540-й годовщине со дня рождения Конфуция. Кроме ученых и политических деятелей КНР, в этом событии приняли участие около 80 зарубежных профессоров и журналистов. На симпозиуме были освещены многочисленные доклады, непосредственно связанные с изучением и интерпретацией конфуцианства через призму современного геополитического и культурного развития мирового сообщества. Например, один из докладчиков, профессор Гу Му, предложил распространить принцип гармоничных межличностных отношений (который считается основополагающим в конфуцианстве) на межгосударственное взаимодействие для поддержания равновесия, стабильности и гармонии в мировом сообществе¹.

Существует также и Международная конфуцианская ассоциация (МКА), созданная в 1994 г. при покровительстве руководства КНР, которая занимается популяризацией китайских и зарубежных исследований, посвященных конфуцианству, издательской деятельностью и организацией научных симпозиумов². В частности, в 2004 г. при поддержке МКА была проведена Международная научная конференция «Конфуцианство и современная цивилизация».

Эта конференция имела поистине общемировой характер, ибо в ее работе приняло участие около 300 ученых и государственных деятелей, было заслушено 175 докладов по конфуцианству³. Выступал на симпозиуме и Чэн Чжунъян, философ, представитель «третьего поколения» конфуцианства. В своем докладе он привел сравнительную характеристику учения Конфуция и основополагающих принципов западной классической философии, которая, на его взгляд, не способна удовлетворить потребности современного человечества в духовном саморазвитии. Причиной тому, по мнению Чэн Чжунъяна, является тот факт, что западная философская мысль провозглашает в качестве ключевого

¹ См. об этом: *Переломов Л. С.* Жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 398.

² См. об этом: *Головачёва Л. И.* Конфуцианство и современная цивилизация // *Восток (Orient)*. 2005. № 3. С. 161.

³ См. об этом: Там же. С. 157.

принцип рационализма, который лишает человека, в отличие от конфуцианского учения, возможности самосовершенствования. Именно поэтому, как утверждает Чэн Чжунъян, на Западе наблюдается интерес к конфуцианству⁴.

Подобные мысли не являются единичными. Например, Гэн Хайтянь, преподаватель Уссурийского государственного педагогического университета, в своей статье говорит о необходимости приобщения Запада к традиционной конфуцианской этике, ибо последний «исчерпал себя в идейном отношении»⁵. Вполне возможно, что высказывания подобного рода, как и сам факт поддержки китайским руководством международных конференций по конфуцианству, отражает нацеленность внешней политики Китая на превращение конфуцианского учения в своеобразную глобальную идею, альтернативную западной «американизации».

Ключевой для реализации подобных устремлений китайского руководства является деятельность Институтов Конфуция, организация которых инициируется Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) — учреждением, созданным при Государственном совете КНР.

Сегодня сеть Институтов Конфуция приобрела общемировой характер: они существуют не только в странах Азиатского региона, но и в Европе, США, Австралии, государствах Африки и Латинской Америки. К концу 2010 г. было открыто 322 Института Конфуция и 369 Классов Конфуция в 96 странах и регионах мира⁶.

Основополагающей задачей Институтов Конфуция является обучение иностранных студентов китайскому языку и популяризация за рубежом основ традиционной китайской культуры (курсы по каллиграфии, чайные церемонии, китайская музыка и т. д.). Данная задача — основа «культурной миссии» Институтов Конфуция, которую определяет китайское руководство как достижение взаимопонимания между странами и создание гармоничного мира в период глобализации.

Лю Яньдун, член Совета КНР и председатель Штаб-квартиры Институтов Конфуция, отмечает: «Учреждение Институтов Конфуция нацелено

⁴ См. об этом: Головачёва Л. И. Конфуцианство и современная цивилизация. С. 160.

⁵ Гэн Хайтянь. Конфуцианство и политическое руководство Китая последней четверти XX — начала XXI в. // Право и политика. 2010. № 6. С. 1047.

⁶ См.: Xu Lin. Make scientific planning for sustainable development of Confucius Institute // Confucius Inst. Beijing, 2011. Vol. 12. № 1. P. 12.

не только на преодоление языкового барьера в процессе межкультурных взаимодействий Китая с народами других стран, но и на достижение гармонии в современном мире»⁷. Ли Чангчун, член Постоянного комитета Политического бюро КПК, на одной из конференций Институтов Конфуция высказался о необходимости углубления взаимопонимания и дружбы между китайским народом и народами других стран для содействия строительству гармоничного мирового сообщества⁸. У Цзяньминь, заместитель директора Народно-политического консультативного комитета по делам внешней политики, на вопрос о том, какой принцип должен быть основой деятельности Институтов Конфуция по укреплению их влияния в процессе глобальных культурных обменов, ответил: «Институт Конфуция должен воплощать в жизнь концепцию «достижения гармонии на основании различий»⁹.

Однако достижение гармонии в обществе невозможно без преодоления глобальных проблем, в чем значительную роль, по мнению Лю Яньдун, играет развитие Институтов Конфуция¹⁰. Об этом же говорит Сюй Линь, генеральный директор Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом (ХаньБань), начальник Штаб-квартиры Институтов Конфуция: «В период глобальных экономических противоречий организация культурных обменов является необходимой для достижения понимания и доверия между народами. Поэтому учреждение Институтов Конфуция — влечение времени»¹¹.

В то же время власти Китая ставят своей целью распространение лишь положительных черт китайской традиционной культуры для создания привлекательного образа Китайской Народной Республики¹².

⁷ *Liu Yandong*. Joint participation and equal cooperation create a new outlook for the development of Confucius Institute // *Confucius Inst. Beijing*, 2009. Vol. 1. № 1. С. 13.

⁸ См.: *Li Changchun*. Li Changchun attends the 5th Confucius Institute Conference // *Confucius Inst. Beijing*, 2011. Vol. 12. № 1. P. 6.

⁹ *Cao Ding*. Standing on the bridge of China-foreign exchanges // *Confucius Inst. Beijing*, 2010. Vol. 10. № 5. P. 43.

¹⁰ См.: *Liu Yandong*. Joint participation and equal cooperation create a new outlook for the development of Confucius Institute... P. 12.

¹¹ *Xu Qiang*. First Joint Conference of Confucius Institutes in Asia held in Japan // *Confucius Inst. Beijing*, 2009. Vol. 3. № 3. P. 10.

¹² См.: *Liu Yandong*. Joint participation and equal cooperation create a new outlook for the development of Confucius Inst... P. 15.

Так, те же Институты Конфуция при поддержке руководства Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом (ХаньБань) проводят разнообразные мероприятия, в том числе фотовыставки, фестиваль китайского кино, празднование китайского Нового года и т. д. Например, в конце прошлого года на таком фестивале в Екатеринбурге был показан фильм «Конфуций», вышедший также на большие экраны стран Юго-Восточной Азии и Западной Европы. Специалисты в области кино подчеркивают, что фильм «Конфуций» в определенной степени способствует увеличению популярности китайской культуры за рубежом.

Правда, этот фильм не всем пришелся по душе, так же, как и деятельность Институтов Конфуция оценивается многими китайскими учеными отрицательно. Этой позиции придерживаются директор Института Гарвард-Енчин профессор Ду Вэймин и профессор Принстонского университета Юй Инши. Последний, например, считает, что направленность деятельности Институтов Конфуция является сугубо политической: она связана со стремлением китайского руководства навязать другим странам свою политическую доктрину. В то же время Юй Инши замечает, что «истинная, традиционная культура китайской нации исчезает».

Однако подобного рода воззрения практически не отражаются на деятельности Институтов Конфуция, о чем свидетельствует широчайшая поддержка китайскими властями этой культурно-образовательной сети. Так, в декабре 2009 г. президент КНР Ху Цзиньтао посетил Институт Конфуция Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва (Казахстан), где интересовался вопросами проведения различных мероприятий.

Демонстрацией широкого характера этой поддержки является непосредственное участие государственных деятелей в учреждении Институтов Конфуция. В декабре 2009 г. заместитель Председателя КНР Си Цзиньпин участвовал в открытии первого Института Конфуция в Камбодже¹³. Ранее, в ноябре 2009 г., вице-премьер Госсовета КНР Ли Кэцян посетил церемонию открытия Института Конфуция Кентерберийского университета в Новой Зеландии¹⁴. И Си Цзиньпин, и Ли Кэцян имеют

¹³ См. об этом: *Xi Jinping*. Chinese vice president Xi Jinping opens first Confucius Institute in Cambodia // Confucius Inst. Beijing, 2010. Vol. 7. № 2. P. 6.

¹⁴ См. об этом: *Li Keqiang*. Li Keqiang attended the opening ceremony of the Confucius Institute at Canterbury University in New Zealand // Confucius Inst. Beijing, 2009. Vol. 5. № 5. P. 5.

реальную возможность занять высшие должности в государстве по результатам будущего XVIII съезда компартии (2012), который знаменует, как считают китайские политологи, «смену “четвертого поколения” китайских руководителей “пятым”»¹⁵.

Итак, конфуцианство, эта «философия стабильности», «культура гармонии», представляется китайской администрации единственным учением, способным разрешить глобальные противоречия, в том числе региональные конфликты, проблемы терроризма, расовой нетерпимости и др. Для активизации этой концепции китайское руководство организует различные мероприятия международного масштаба. Однако «глобальность» конфуцианства, как и внутривнутриполитическое развитие КНР, обладает «китайской спецификой», сопряженной с конфуцианскими ценностями. Ключевой же ценностью и для Китая, и для мира в целом представляется принцип гармоничных взаимоотношений как основа достижения взаимопонимания и терпимости к различным народам. Иными словами, именно конфуцианство, а не западная философия, переживающая сегодня ценностный кризис, с его принципами гармонии и человеколюбия, не только воспринимается, но и может стать своеобразным духовным ориентиром различных народов в период глобализации и тех противоречий и перемен, которые неизменно за ней следуют.

Д. А. Суровень

Уральская государственная юридическая академия

Международные отношения империи Суй и государства Ямато в первые годы VII в.

Начало VII в. в истории китайско-японских отношений ознаменовалось восстановлением прерванных ещё в конце V — начале VI в. дипломатических связей древнеяпонского государства Ямато с Китаем, на что Япония пошла в силу возникших военно-политических проблем в Южной Корее (когда в 600 г. японцы попытались восстановить свое

¹⁵ Цит. по: Смирнов С. В. Глобальный проект Китая: аксиологический аспект // Изв. Урал. ун-та. 2010. № 3(80). URL: <http://proceedings.usu.ru/?base=rubrica&xsl=author.xslt&id=a1176> (дата обращения: 24.04.2011).